

Гражданское согласие, необходимым условием которого является наличие консолидирующей идеи, есть залог успешного развития России. Чтобы эта идея достаточно устойчиво сплачивала граждан, она должна быть ими интернализирована. Сегодня вряд ли надо доказывать необходимость организованного и целенаправленного внушения гражданам некоей консолидирующей идеи, которая была бы способна стать в теоретическом аспекте основой всей системы социального мировосприятия, а в практическом – основой всей системы социальных действий. Однако ни идея гражданского общества, ни идея рыночного хозяйства, ни идея национального единства до сих пор не смогли утвердиться в качестве идеологического фундамента современного российского общества. Показательны в этом отношении данные исследования, проведенного казанскими социологами А.Р. Тузиковым и Р.И. Зинуровой в трех республиках Российской Федерации. В среднем более 5% населения Башкортостана, Татарстана и Удмуртии ориентированы на внесистемные и избыточно радикальные действия. При этом среди молодежи в возрасте до 30 лет таких втрое больше! [1]. Это свидетельствует о заметном влиянии мировосприятия, основанного на представлениях и идеях, которые играют отнюдь не консолидирующую роль. А ведь что такое «идеология» как не система идей об окружающем мире, человеке и его месте и роли в этом мире? Почему же эти идеи не всегда способствуют утверждению социальной солидарности? Ответ на этот вопрос нельзя сводить к субъективному фактору. Здесь есть и вполне объективные причины, осложняющие процесс формирования и укрепления приемлемой для граждан идеологии. Прежде всего, в современном мире возник острый кризис самого понятия системности в том виде, в котором она традиционно воспринималась. Веками и тысячелетиями интеллектуалы и обыватели исходили из кибернетического представления о самых различных системах. Категоризирующим признаком системы была иерархически организованная связь составляющих ее элементов: даже элементарные частицы вращаются вокруг некоего центра, который как бы управляет ими. Мир в этом плане не изменился. Но в социуме важно не только объективное устройство мира, но и то, как это устройство воспринимается субъектами. Мир начала XXI века – мир неопределенности и рисков. Два основных фактора играют роль детерминант «конца знакомого мира» [2]. Первый фактор – общественное разделение труда, предполагающее, с одной стороны, развитие и углубление связей и взаимозависимостей между участниками социально-экономического процесса, и, с другой стороны, их профессионализацию и специализацию. Это значит, что участники общественного производства (в широком смысле этого понятия), если не осознавая, то переживая развитие и углубление связей и взаимозависимостей, все отчетливее воспринимают самих себя в качестве социальных субъектов, в то же время испытывая возрастающие трудности в понимании других акторов.

Более того, поскольку каждый специалист все чаще сталкивается с интервенцией в его профессиональную сферу специалистов другого профиля, которых он не понимает, а поэтому и не может оценить как специалистов-профессионалов, постольку он все более тяготеет этим мнимым дилетанством «смежников». Переносит эту оценку и на те сферы деятельности, которые относятся более к компетенции «дилетанта», чем к своей собственной, субъект склоняется к переоценке собственного профессионализма. Получается, что «интервент», раз он проявляет свою профессиональную некомпетентность в одном, ставит под сомнение свою компетентность и в другом. «Профессионал» же, раз он более компетентен в чем-то, на что претендует «дилетант», более разумен, рационален и в других сферах деятельности по сравнению с этим амбициозным невежей. Вывод о том, что на все могут быть две точки зрения – одна неправильная, а другая – моя, вполне логичен при такой посылке. Итак, профессионал «обречен» нести свой крест ответственности в мире воинствующих дилетантов, бесцеремонно вмешивающихся в дела, в которых они ничего не смыслят и игнорирующих мнения специалиста. По мере углубления общественного разделения труда такое мировосприятие становится все более распространенным: актер ощущает себя все более одиноким в мире «чужих», которые не могут понять и оценить его, и которых в действительности не может понять и оценить он сам. Идея «системы» как бы переворачивается: безразлично к конкретным социальным функциям, исполняемым тем или иным субъектом, «субъектами» оказываются все участники процесса общественного производства; бинарная организация кибернетического типа – «управляющий управляемый» перестает доминировать в сознании. Но при этом ярко проявляется эффект, афористично описанный Д. Оруэллом, «все звери равны, но некоторые равнее других» [3]. Те же, которые «равнее других», имеют тенденцию сводиться, в конечном счете, к одному – «Я». Таким образом, объективно – социум превращается из системы кибернетической, в которой управляющие выступают в качестве субъектов, а управляемые – в качестве объектов, в систему взаимодействующих субъектов. Субъективно же новая картина социума воспринимается скорее в моносубъектном формате: каждый склонен воспринимать только себя в качестве субъекта, отводя другим роль объектов. Более того, это противоречие нельзя однозначно отнести к сфере объективного или, напротив, субъективного. Действительно, те процессы, о которых мы говорим, находят свое концентрированное выражение в глобализации. Объективный процесс глобализации, о котором так афористично написал М.Кастельс [4], отражается в сознании социальных субъектов подчас в форме идеи некоего универсального мировосприятия. Однако глобализация как объективный процесс противоречит нивелированию социального мира [5]. Иными словами, начиная с критики разделения социума на управляющих субъектов и управляемых, играющих роль объектов, переосмысление социума

как системы в современном мире приводит к абсолютизации моносубъектности, противоречащей достигнутому уровню развития производительных сил общества. «Единственный» принимает на себя миссию демиурга. Прочие – или невежи, которых надо просвещать, учить, или враги общества, которых надо подавлять и нейтрализовывать. Доведение до логического итога идеи кибернетической организации социальной системы приводит к ее кризису: акторы перестают воспринимать субъектов социального управления как профессионально компетентных деятелей. Но тогда и каждый актор в отдельности, не понимая своего места в социуме, оказывается социально некомпетентным. Начинается всеобщая депрофессионализация, кризис компетентности. Эта тенденция находит теоретическое обоснование в постмодернизме [6]. Вместо того, чтобы по логике общественного разделения труда признать основой системности социума не иерархию, а взаимосвязь, отношения между акторами, постмодернизм склонен вообще отрицать системность, тем самым, в конечном счете, отрицая и необходимость упорядочивания, структурирования, а, значит, и организации, и управления, в обществе. Но тогда отпадает и необходимость в идейной консолидации, в идеологии. Развитие общества превращается в сознании его граждан в «броуновское движение» отдельных «атомов»: хаотичное движение отдельных частей только статистически, благодаря пространственно-временному континууму действий, как-то упорядочивается. Чем более активными становятся действия «атомов», тем чаще происходят столкновения между ними. Тем большую роль в статистическом упорядочивании движения в целом играют эти столкновения. Зачем же здесь какие-то «идеологии»? Тем более – консолидирующие? Логическим выходом из положения оказывается усиление роли государства как арбитра в войне всех против всех. Государство точно по Гоббсу превращается в Левиафана, спланивающего граждан не идеями, а силой. Понятно, что такая консолидация требует максимально более полного, всеобъемлющего контроля государства над всей жизнедеятельностью граждан. Граждане могут сами что-то делать только в тех рамках, которые сочтет разумными и полезными государственный чиновник. Круг замыкается и мы вновь оказываемся в плену тоталитаризма. Итак, или консолидация полисубъектного общества, или атомизация современного глобализирующегося сообщества, или возвращение к тоталитаризму. Второй фактор «конца знакомого мира» – информационная революция, которая привела к кризису традиционной системы социально-культурного наследования. Поведение людей всегда целенаправленно. В основе целей – интересы, то есть более или менее осознанные потребности человека. Соотнесение цели с ситуацией действия, с реальными возможностями ее осуществления создает мотив [7]. Иначе говоря, поведение всегда предполагает первичность идеи, отражающей известные потребности человека и выражающей отношение субъекта к объекту в данных

обстоятельствах. Можно сказать и по-другому: каково мировосприятие человека, таково и его поведение. Есть два типа социального поведения. При организованном влиянии общества на формирование ценностей и норм, которыми руководствуется индивид в своем отношении к миру, складывается поведение, сформировавшееся как социальное. В процессе же стихийного взаимодействия между людьми и социальными структурами (группами, институтами) как результат спонтанно возникающего социального обмена складывается социально направленное поведение. Поведение, сформировавшееся как социальное, продукт управления ситуациями. Социально направленное поведение – продукт приспособления к ситуациям. Проще говоря, первый тип социального поведения основывается на усвоении индивидом внешнего организованного воздействия на его чувства и сознание. Второй – на усвоении внешнего спонтанного воздействия [8]. Первый тип выражает практическое влияние идеологии как структурированной совокупности идей о мире и о себе в этом мире. Второй же – практическое влияние «легкости в мыслях», отсутствия структурированности идей, систематизации информации. А систематизированная информация – это знание. Таким образом, только поведение, сформировавшееся как социальное, является практическим выражением знания. Социально направленное поведение основано не на знании, а на бессистемной информации, на неупорядоченных данных о состоянии объектов и субъекта. Для социально направленного поведения идеология не нужна. Для поведения, сформировавшегося как социальное, она необходима. Но это значит, что проблема идеологии – проблема упорядоченного, а, значит, и прогнозируемого, организованного и управляемого, отношения человека к миру. Альтернатива – стихийное поведение акторов, которое невозможно более или менее надежно прогнозировать, которым, следовательно, трудно управлять. Очевидно, что такое поведение будет иметь своим следствием латентную функциональность деятельности как для общества и общностей, так и для самого актора [9]. Результат его деятельности оказывается непредвиденным, а иногда и не желательным для самого актора. При достигнутом уровне общественного разделения труда это просто не эффективно! Более того, общество, в котором преобладает социально направленное поведение, утрачивает субъектность: латентная функциональность поведения лишает актора статуса субъекта, т.к. он перестает предвидеть результаты своих действий. Реализуется в тотальном масштабе «великий» принцип: хотели как лучше... Но в современном социуме акторы самим ходом социальных взаимодействий подталкиваются к тому, чтобы воспринимать самих себя именно в качестве субъектов общественных отношений. Да еще и при тенденции воспринимать только себя в качестве единственного социально компетентного субъекта. Получается, что преобладание социально направленного поведения противоречит как объективным тенденциям развития производительных сил

общества, так и тенденциям интеллектуально-духовного развития современного человека [10]. Или, что то же самое, отсутствие идеологии противоречит тенденциям развития объективных и субъективных компонентов современного социума. Деидеологизация, провозглашенная в свое время российскими «отцами-реформаторами» – не благо, а великий тормоз современности. Однако именно информационная революция объективно препятствует утверждению доминанты поведения, сформировавшегося как социальное. Дело в том, что у нее – две стороны. С одной – содержание информации стремительно обновляется и одновременно усложняется. С другой – информация становится общедоступной посредством использования компьютерных сетей. Парадокс: открывается широчайший доступ к информации, осмысление которой требует специальной подготовки и времени, которыми не располагают пользователи. Фактически информационная революция как бы закрывает возможности не спекулятивного (например, мистика), а научного структурирования информации, превращающего данные в знание. Образно говоря, человека, не умеющего даже плавать, бросают посреди информационного океана. Возможно, он найдет средства спасения, в том числе и навигации. Возможно, и скорее всего, т.к. он не умеет плавать, нет. В условиях стремительно развивающейся монополизации глобального рынка информационных услуг данное обстоятельство фактически превращает большинство населения в заложников неконтролируемых намерений медиа-олигархов. Но при этом формируется сознание независимости, свободы личного выбора. Технология проста: информационные технологии современности отличаются от традиционных методов информационных воздействий тем, что информация воспринимается обезличено, не связывается с образом Просветителя (родителей, школьного учителя, преподавателя вуза, телеведущего, депутата, министра и т.п.). Привязка к личности, хотя бы формально (телеведущий) являющейся источником информации, вызывает более или менее осознанный протест в силу сомнительной в современном мире компетентности информатора. Обезличенность информации в компьютерной сети создает иллюзию свободы: сам нашел, сам принял, сам осмыслил и т.д. В действительности же осуществляется все более жесткая селекция информации в компьютерных сетях, отражающая монополизацию рынка информационных услуг, а, значит, и усиливающую зависимость не только формы, но и содержания информационных потоков от интересов олигархов. Мы уже сейчас имеем примеры очень эффективного манипулирования массовыми действиями с помощью компьютерных технологий: дается команда – и тысячи людей в разных концах мира замирают на определенное время в тех позах, в которых их застал сигнал Демиурга. Участникам, конечно, кажется, что такое поведение объединяет их с наиболее «продвинутой» частью человечества. Но стадо, бессмысленно повинующееся пастуху, едва ли может быть общественным идеалом. Однако информационные процессы имеют важную особенность: они

всегда сопровождаются шумами, мешающими адекватному восприятию информации потребителем, а, следовательно, и программируемым данным информационным воздействием действиям. В качестве таких шумов в современном мире, где темпы инновационного развития подрывают традиционное доверие к опыту прошлого, персонифицированному в старшем поколении, выступают не столько нормы культуры, морали, права, сколько сама жизнь, воспринимаемая преимущественно как неконтролируемые отношения между людьми и социальными группами. То есть шум оказывается результатом того спонтанного социального обмена, который лежит в основе формирования и развития социально направленного поведения. Получается, что даже обезличенная информация работает только постольку, поскольку она не противоречит практическому опыту именно данного социального субъекта. А этот опыт имеет тенденцию вступать пусть и в мнимое, но от этого не менее действенное, противоречие с опытом окружающих: только мой опыт истинен! Происходит информационная атомизация социума. Как не всякие универсальные формы поведения являются социальным поведением, то есть поведением, направленным на других людей, так и сознание достаточно четко разделяется на социальное и массовое. В массовом сознании мы имеем дело не с интернализированными смыслами/ценностями, а с индивидуализированными универсальными формами. По форме не только поведение, но и мировосприятие людей в современном мире становится все более стандартизированным. Это отражает объективные тенденции развития общественных производительных сил, информационного пространства. По содержанию же, напротив, поведение и мировосприятие приобретают выраженную тенденцию утрачивать свой социальный характер. Данное противоречие типично для общества-трансформера: трансформер изменяется, повинуюсь командам, не понятным для него ни по источнику этих команд, ни по их содержанию. Это – общество, управляемое извне [11]. Хотя те, кого называют элитой, власть имущими, тешат себя иллюзией, что это именно они управляют социумом, на самом же деле действительное развитие общества и общностей оказывается результатом спонтанных взаимодействий. Социальные процессы становятся все более похожи на броуновское движение. Как управление, так и идеология в таком обществе – формальны. Они не определяют вектора его изменений. Такое положение препятствует эффективному использованию достигнутого уровня развития производительных сил общества, их дальнейшему развитию. Альтернатива – управление, основанное на идеологии как форме концентрированного выражения общественного (не массового!) сознания, и переход к обществу – субъекту [12]. Нет такой основы – не может быть и эффективного управления. В этом плане интересны данные ВЦИОМ (октябрь 2009 г.) о ценностных установках населения. На конференции, посвященной 20-летию Социологического центра РАГС при Президенте Российской Федерации,

было подчеркнуто, что большинство россиян выше всего ценят порядок. Это отражает понимание необходимости социальных взаимодействий, которые, не будучи лимитированы соответствующими структурами, то есть, не будучи упорядочены, как заметил еще Т.Гоббс, имеют тенденцию превращаться в войну всех против всех. Однако солидарность и любое неравенство относятся к числу типичных анти-ценностей россиян. К ним же относятся политические свободы и стремление к самореализации. Получается, что типичный россиянин не верит в себя. Зато он верит в закон, справедливость и равенство. При этом разделение властей, партии, элита им относятся к числу анти-ценностей. А это значит, что россиянин не склонен доверять и власти, управлению. В то же время, один из ценностных приоритетов россиян – это социальное государство как такое государство, где порядок зиждется на законе, гарантирующем равенство и справедливость. Эта непоследовательность и противоречивость ценностных установок россиян может быть преодолена посредством формирования и утверждения новой идеологии. Содержание идеологии должно утверждать порядок, обеспечивающий достойную жизнь каждому гражданину и его родным и близким. Основой такой идеологии может стать духовность как сочетание социальной потребности жить для других и идеальной потребности познания [13]. Человек, как социальное существо, не может развиваться вне общения с другими людьми. Но человек – существо и биологическое. Общение с себе подобными, как и любые взаимодействия, в конечном счете должно быть ему выгодно, полезно. Этого можно достигнуть только в том случае, если общение приобретает характер социального обмена: живя для себя, человек не может не жить для других. А жить для других можно только в том случае, если актер знает и понимает потребности, интересы и ценности этих «других». И не только знает и понимает, но и считается с ними, уважает их. Только тогда другие примут его в качестве своего: а это – цель реализации его социальной потребности жить для других. Проще говоря, не познавая других людей, человек не может реализовать себя как социальное существо – личность. Следовательно, духовность заложена в природе человека как биосоциального существа. Духовность как предполагаемая основа идеологии в современном обществе неизбежно обращается с небес на землю: познавая друг друга, открывать возможности взаимовыгодного сотрудничества, т.к. в современном мире отсутствие выгоды для одного из партнеров негативно отражается на возможности реализации интересов другого партнера. В современном обществе проблема приоритетности общественных или частных интересов, общества или личности, институтов общественной или народной власти – анахронизм. Проблема – организованное, контролируемое, а, значит, и управляемое взаимодействие паритетных начал, высшим выражением которых является государственное и муниципальное управление. Но если мы стремимся к партнерству общественного и частного, то оно необходимо находит свое

выражение и в смешанной экономике, и в плюрализме форм собственности, и в политическом плюрализме, и в свободе слова и т.д., и т.п., во всем, что является признаками действительной демократии, основанной на толерантности. Собственно, это и есть стержень содержания новой идеологии.